

ЭКЛЕ (ЕСКЛЕ) против ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Судебное решение от 15 июля 1982 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Г-н Ганс Экле и его жена Марианна, 1926-го и 1935 г. рождения соответственно, являются гражданами Германии.

Г-н Экле был владельцем фирмы, которая занималась поставкой в кредит материалов и подготовкой площадок для желающих строиться. Его жена работала на этой фирме. Деятельность фирмы в период между 1959-м и 1967 г. стала предметом трех самостоятельных уголовных дел в Трире, Саарбрюкене и Кёльне.

В 1959 г. прокуратура Трира, начала расследование, подозревая заявителя в заключении многочисленных договоров, основывавшихся на ложных обещаниях, и в получении займов обманным путем. Суд открылся 11 ноября 1970 г. 17 марта 1972 г. Земельный суд Трира приговорил г-на и г-жу Экле к тюремному заключению за мошенничество. 19 февраля 1976 г. их жалоба по вопросам права была отклонена Верховным федеральным судом. Жалоба в Федеральный Конституционный суд, в т. ч. на длительность разбирательства, в июне 1977 г. была отклонена как не имеющая шансов на успех.

По завершении другого расследования, которое началось в конце 1963 г., Земельный суд Саарбрюкена в октябре 1967 г. признал заявителей виновными в мошенничестве; после того как в марте 1969 г. Верховный федеральный суд отменил приговор, в 1970-м и 1971 г. Земельный суд осудил их повторно. Новая жалоба, на этот раз по вопросам права, была отклонена 20 апреля 1972 г.

Наконец, прокуратура Кёльна начала по аналогичным основаниям расследование в марте 1967 г., но дело было закрыто в сентябре 1977 г. по причине незначительности приговора, который мог бы быть вынесен, по сравнению с приговорами, уже вынесенными в двух других судах.

В ноябре 1977 г. Земельный суд Трира по совокупности приговоров определил г-ну Экле семь лет, и два года и восемь месяцев для его жены. 23 апреля 1978 г. Верховный земельный суд в Кобленце отклонил "немедленную апелляцию", поданную обоими заявителями против решения Земельного суда.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В основе дела лежит жалоба, направленная г-ном и г-жой Экле в Комиссию в декабре 1977 г. Они жаловались, среди прочего, на чрезмерную

длительность уголовных дел в Трире, Саарбрюкене и Кёльне и утверждали, что стали жертвами нарушения права на разбирательство дела в “разумные сроки” в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции. В мае 1979 г. Комиссия объявила ходатайства приемлемыми в отношении длительности судебного разбирательства в Трире и Кёльне. В своем докладе от 11 декабря 1980 г. Комиссия единогласно высказала мнение о нарушении статьи 6 п. 1.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

Заявители жаловались на длительность рассмотрения их уголовных дел в судах Триера и Кёльна; они утверждали, что разбирательство превысило “разумный срок” (статья 6 п.1).

Статья 25 п. 1

В своей памятной записке, а впоследствии и в устных выступлениях, представители Правительства официально просили Суд не рассматривать по существу. Согласно утверждениям Правительства, заявители не могли рассматриваться в качестве жертв в смысле статьи 25 п. 1 Конвенции, которая гласит:

“Комиссия может принимать жалобы, направленные в адрес Генерального секретаря Совета Европы, от любого лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции...”

Суды Германии, утверждало Правительство, фактически признали чрезмерную длительность разбирательства: Земельный суд Трира учел это обстоятельство при вынесении приговора; аналогично поступил и Земельный суд Кёльна, вынося постановление о прекращении уголовного преследования (см. п. 35 и 55 выше).

Заявители оспаривали логику этих рассуждений. Комиссия она была согласна с ним. По мнению Комиссии, суды не признавали нарушения статьи 6; уменьшение срока наказания судом Трира, было незначительным; отнюдь не очевидно, что Земельный суд Кёльна, вынося решение о прекращении уголовного преследования, принял во внимание чрезмерную длительность разбирательства.

Суд вправе вынести решение по поводу такого рода предварительных возражений, если государство-ответчик уже выдвигало их перед Комиссией в той мере, в какой это позволяли их характер и обстоятельства (см. решение по делу Артико от 13 мая 1980 г. Серия А, т. 37, с. 12, п. 24).

Эти условия были выполнены по настоящему делу, и право на принесение возражений не утрачено.

Слово “жертва” в контексте статьи 25 и данного дела означает лицо, непосредственно пострадавшее в результате упущения, причем нарушение возможно даже в отсутствие ущерба, который имеет значение лишь в контексте статьи 50 (см. *inter alia* решение по делу Адольфа от 26 марта 1982 г. Серия А, т. 49, с. 17, п. 37).

Соответственно, смягчение приговора и прекращение уголовного преследования, с учетом чрезмерной длительности разбирательства в принципе не лишают заинтересованное лицо статуса жертвы в смысле статьи 25; они должны быть приняты во внимание единственно с целью оценки размера ущерба, который предположительно был ему нанесен (см. *mutatis mutandis* вышеназванное решение по делу Рингейзена от 22 июня 1972 г. Серия А, т. 15, с. 8, п. 20—21; решение по делу Неймастера от 7 мая 1974 г. Серия А, т. 17, с. 18—19, п. 40).

Суд не исключает возможности изъятия из этого общего правила в случае, когда национальные власти признали открыто либо фактически нарушение Конвенции и предусмотрели компенсацию за это (см. решение Комиссии от 16 октября 1980 г. о приемлемости жалобы по делу *Шлоффер против Федеративной Республики Германии*). В подобных обстоятельствах дублирование внутригосударственного процесса разбирательством в Комиссии и Суде вряд ли выглядит совместимым с субсидиарным характером механизма защиты, установленного Конвенцией. Конвенция предоставляет каждому государству-участнику первое место в обеспечении охраняемых ею прав и свобод (см. решение по делу “О языках в Бельгии” от 23 июля 1968 г. Серия А, т. 6, с. 35, п. 10 *in fine*; и решение по делу Хэндисайда от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 22, п. 48). Субсидиарный характер становится особенно очевиден применительно к государствам, которые включили Конвенцию в свое внутреннее право и где нормы Конвенции считаются действующими непосредственно (см. решение по делу Ван Дроогенбрека от 24 июня 1982 г. Серия А, т. 50, п. 55).

Поскольку Конвенция интегрирована в право Федеративной Республики Германии, ничто не препятствовало судам страны, если бы они посчитали это уместным, вынести решение о нарушении Конвенции, а именно статьи 6 п. 1. В распоряжении национальных судов имеются средства, позволяющие присуждать при этом соответствующее возмещение: согласно сложившейся практике Верховного федерального суда при вынесении приговора судья должен принять во внимание любое превышение “разумных сроков” разбирательства в смысле статьи 6 п. 1 (см. решение от 10 ноября 1971 г., “*Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen*”. V. 24, p. 239—243).

Соответственно, Суд должен установить, учитывали ли, как утверждает Правительство, германские суды в своих решениях нарушение статьи 6 п. 1 и предоставили ли они в связи с этим возмещение.

В решениях Земельного суда Трира сказано, что разбирательство в нем шло “необычно долгое время” (решение от 17 марта 1972 г. п. 27 выше); было “чрезмерно длительным” (решение от 24 ноября 1977 г. п. 35 выше). Об этом же говорится в решении Верховного федерального суда от 19 февраля 1976 г. и в решении Верховного земельного суда Кобленца от 23 января 1978 г. (см. п. 33 и 36 выше). Все эти решения, кроме решения суда Трира, ссылались на судебную практику, о которой сказано выше в п. 67. Только суд Кобленца упоминает о статье 6 п. 1, когда говорит, что даже с учетом этой статьи, приговор, вынесенный в Трире, не является излишне суровым.

В решении Земельного суда Кёльна от 21 сентября 1977 г. о прекращении уголовного дела против г-на и г-жа Экле отмечается согласие обвиняемого и сделана ссылка на формальные представления прокуратуры (см. п. 33 выше). Последняя сослалась на указания Верховного федерального суда о кумуляции приговоров, что и было сделано Земельным судом Трира.

Из вышесказанного видно, что ни один из рассматривавших дело судов не признал факта нарушения статьи 6 п. 1. Тем не менее формулировки, использованные названными выше судами могут быть приравнены к установлению этого обстоятельства в судебном заседании. Меньше оснований в этом отношении дает решение суда в Кёльне; оно вряд ли позволяет сделать вывод, что этот суд признал, что длительность разбирательства является нарушением статьи 6 п. 1.

Даже если согласиться с тем, что названные решения действительно признают в достаточно ясной форме несоблюдение требования “разумных сроков”, то остается вопрос — было ли предоставлено возмещение? Было ли смягчение приговора, вынесенного судом Трира, и прекращение уголовного дела по решению суда Кёльна совершены в исправление того, на что была принесена рассмотренная жалоба?

Суд отмечает, что ответ на эти вопросы тесно связан с другим аспектом дела, а именно масштабами совершенного нарушения и, соответственно, основными доводами предварительного возражения Правительства.

О нарушении статьи 6 п. 1

Комиссия выразила мнение, что имело место нарушение статьи 6 п. 1, которая предусматривает:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...”

Правительство признало, что разбирательство на некоторых стадиях было неразумно длительным.

А. Длительность разбирательства

В жалобе заявителя говорится, что судебный процесс в Трире начался в ноябре 1959 г. и завершился 24 ноября 1977г., когда суд кумулировал вынесенные всеми приговорами наказания. В ходе слушаний Правительство утверждало, что разбирательство шло с 7 октября 1964 г. (обыск в помещениях заявителя) до 19 февраля 1976 г. (решение Верховного федерального суда). Комиссия согласилась со второй датой, но по мнению Комиссии, дату начала разбирательства можно отнести по крайней мере к 1 января 1961 г.

По мнению заявителей и Комиссии, процесс в Кёльне начался с выдачи 25 апреля 1967 г. приказа об обыске помещений и аресте г-на и г-жи Экле. В Суде Правительство, по-видимому, предложило рассматривать дату исполнения данного судебного приказа, а именно 11 мая 1967 г., а не более позднюю, как это было сделано в Комиссии, дату взятия г-на Экле под стражу (25 ноября 1969 г.). Что касается окончания этого периода, то заявители, Правительство и Комиссия — все согласились с датой 21 сентября 1977 г., день, когда процесс завершился.

1. Начало периодов, которые следует принимать в расчет

73. В уголовных делах “разумный срок”, о котором говорится в статье 6 п. 1, начинает течь с момента, когда лицу “предъявлено обвинение”; это

может произойти раньше, чем дело попадет в суд (см., например, решение от 27 февраля 1980 г. по делу Девеера. Серия А, т. 35, с. 22, п. 42), со дня ареста, с даты, когда заинтересованное лицо было официально уведомлено, что против него возбуждено уголовное дело, или с даты, когда было начато предварительное следствие (см. вышеупомянутые решения по делу Вемхофа от 27 июня 1968 г.; по делу Неймастера, вынесенное в тот же день; по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г.). “Обвинение” для целей статьи 6 п. 1 можно определить как официальное уведомление лица компетентными властями, что есть основание утверждать, что им совершено уголовное преступление.

Применяя эти принципы к обстоятельствам дела, Суд полагает, что дата, предложенная заявителями в связи с разбирательством в Трире, не является соответствующей, так как представленные Правительством документы показывают, что жалоба, поданная 28 октября 1959 г. на супругов Экле, не привела к назначению формального расследования; ни прокуратура, ни полиция не проводили опроса свидетелей или заявителей. Настоящее предварительное следствие началось только в августе 1960 г., когда в связи с обвинениями, выдвинутыми против г-на Экле, опрашивались многочисленные свидетели (см. п. 11—12 выше).

Тем не менее, поскольку невозможно установить, когда заявителям стало официально известно о следствии, Суд согласился с мнением Комиссии и взял за точку отсчета, в качестве “начала” 1 января 1961 г.

Суд не счел необходимым проводить какое-либо различие между двумя заявителями, так как, хотя следствие и не было направлено против г-жи Экле с самого начала, она ощущала последствия этого в той же мере, как и ее муж.

75. Соответствующей датой начала процесса в Кёльне является дата вручения судебного приказа, изданного 25 апреля 1967 г., т. е. 11 мая 1967 г. (см. п. 72 выше).

2. Окончание периодов, которые следует принимать в расчет

Что касается времени окончания, то в уголовных делах период, на который распространяются положения статьи 6 п. 1, охватывает все время прохождения дела, включая апелляционную процедуру (см. решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 33, п. 98).

77. Решением Верховного федерального суда от 19 февраля 1976 г. на суд Трира была возложена обязанность кумулировать наложенные на г-на и г-жу Экле наказания по приговорам судов Саарбрюкена и Трира. При этом высшая инстанция напомнила, что такая обязанность прямо возложена на суды действующим правом (ст. 53—54 Уголовного кодекса). Такое соединение приговоров не является чисто арифметическим действием, т. к. согласно статье 54 Уголовного кодекса судьи Трира должны были дать собственную общую оценку всех преступлений, в совершении которых заявители были признаны виновными и в Саарбрюкене, и в Трире, а также свою оценку личности преступников; фактически это и было сделано в решении от 24 ноября 1977 г. Дополнительно Земельный суд должен был учесть в качестве смягчающего обстоятельства время, которое прошло со дня решения высшей судебной инстанции “до окончательного решения”.

Отсюда следует, что после этого решения заявители не могли вычислить, какой срок они могут получить по окончательному приговору. Они лишь

знали, что он должен быть меньше, нежели сумма сроков по ранее вынесенным приговорам двумя земельными судами (статья 54 п. 2 Уголовного кодекса).

Пока наказание не было окончательно определено нельзя было установить — отвечало ли осуждение всем требованиям обоснованности уголовного обвинения в смысле статьи 6 п. 1. В решении по делу Рингейзена, уже упоминавшемуся выше, Суд посчитал окончанием процесса дату, когда закончилось Кассационное производство по делу и при определении срока наказания было учтено все время предварительного заключения заявителя.

Соответственно, период, подлежащий учету, завершился 23 января 1978 г., когда Верховный земельный суд Кобленца подтвердил кумулятивный приговор, вынесенный Земельным судом 24 ноября 1978 г.

Процедура судебного разбирательства в Кёльне была завершена 21 сентября 1977 г., когда Земельный суд прекратил дело.

Вывод

Длительность процесса, которая рассматривалась на предмет соответствия требованиям статьи 6 п. 1, составила, таким образом, семнадцать лет и три недели (января 1961 г. — 23 января 1978 г.) в отношении судебного процесса в Трире и десять лет четыре месяца и десять дней в отношении процесса в Кёльне (11 мая 1967 г. — 21 сентября 1977 г.).

Поскольку заявители продолжали свою противозаконную деятельность пока шло расследование дела в Трире, Правительство обратилось в Суд с просьбой вычесть из общей продолжительности судебного разбирательства время, в течение которого совершались новые правонарушения.

Суд рассматривает данный фактор как один из важных элементов оценки “разумности сроков”.

В. Разумность срока разбирательства

Разумность срока разбирательства должна оцениваться в каждом случае исходя из конкретных обстоятельств. При этом Суд должен учитывать сложность дела, поведение заявителей и поведение судебных властей (см. вышеупомянутое решение по делу Кёнига, Серия А, т. 27, с. 34, п.99).

Настоящий случай затрагивает совокупность судебных процедур, которые длились, соответственно, семнадцать и десять лет. Такая продолжительность, без сомнения, является необычной и должна, по общему правилу, рассматриваться как превосходящая “разумный срок”, о котором говорится в статье 6 п. 1 (см. вышеупомянутые решения по делу Неймастера, т. 8, с. 41, п. 20; по делу Кёнига, с. 34, п. 102). В подобных обстоятельствах от государства-ответчика требуется получить объяснения.

Разбирательство в Трире

Хотя предмет следствия и выглядит относительно просто судебного разбирательства в Трире в правовом аспекте, тем не менее дело достаточно сложно, особенно в свете масштабов деятельности заявителей и изобретательности, проявленной ими в разработке методов финансирования договоров продажи. Более того, дополнительные сложности возникли по ходу рас-

следования в связи с тем, что в конце 1963 г. и в течение 1964 г. был заключен еще целый ряд договоров займа мошеннического характера.

Отнюдь не содействуя ускорению разбирательства, г-н и г-жа Экле многократно прибегали к действиям, включая систематический отвод судей, причем некоторые из этих действий можно интерпретировать как затягивание дела и умышленную обструкцию.

Однако, как справедливо указала Комиссия, статья 6 не требует от заявителей активного сотрудничества с судебными властями. Нельзя также упрекать их в том, что они полностью использовали средства защиты, предоставляемые внутренним законодательством. Тем не менее, их поведение представляется собой объективный факт, который не может быть отнесен на счет государства-ответчика, и это следует принимать во внимание, определяя, превышало ли судебное разбирательство разумный срок в смысле статьи 6 п.1 (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Кёнига, п. 103, 105, 108 и 111, а также решение по делу Бухольца от 6 мая 1981 г. Серия А, т. 42, с. 18 и 22, п. 56, 63).

Из жалоб заявителей следовало, что длительность разбирательства — следствие организации рассмотрения дела судебными властями. Главным объектом их критики было то, что судебные власти провели три самостоятельных расследования и три судебных процесса вместо того, чтобы объединить их, а также проводили расследования слишком многих отдельных эпизодов.

Комиссия также сочла, что длительность разбирательства следует отнести прежде всего на счет судебных властей. По мнению Комиссии, предварительные следствия, отзыв “обвинительного акта”, составление проекта решения Земельного суда, рассмотрение высшими инстанциями жалоб о пересмотре дела по правовым основаниям вызвали неоправданные задержки.

Правительство выразило свое несогласие с этим мнением.

Суд, как и Комиссия, пришел к выводу, что компетентные власти не действовали с необходимым старанием и рациональностью.

Так, огромное число расследовавшихся эпизодов не могло не сказаться на сроках предварительного следствия (п. 16 выше). Правительство утверждало, что принцип обязательности расследования всех уголовных преступлений, вменяемых лицу, заставлял власти действовать именно так. Однако Суд отверг этот аргумент. Хотя статья 154 Уголовно-процессуального уложения только в 1979 г., после ее изменения допускала возможность в определенный момент остановить расследование, само Правительство признало, что эта реформа лишь отразила сложившуюся ранее практику. В любом случае, Правительство не вправе, когда речь идет о выполнении обязательств, взятых им на себя в силу статьи 6, ссылаться на недостатки своего внутреннего законодательства. Более того, действовавший на тот период закон не препятствовал прокуратуре и Земельному суду прекратить расследование по некоторым эпизодам (см. 4. 16 и 26 выше).

Кроме того, нелегко понять, почему в 1967 г., т. е. шесть лет спустя после начала следствия, служба государственного обвинения Трира, столкнувшись с новыми преступлениями, которые, как она полагала, ей удалось раскрыть, посчитала, что существует только один подходящий способ действовать в такой ситуации, а именно, отозвать “акт обвинения”. Следует также отметить, что прошел почти год, прежде чем в прокуратуру Кельна были переданы новые дела (там же).

Нет и подобающего объяснения того, почему оглашенное 17 марта 1972 г. решение суда затем почти одиннадцать месяцев оформлялось как окончательный приговор, текст которого заявители получили 12 февраля 1973 г. Несомненно, и это было подчеркнуто Правительством, составление решения требует анализа большой массы документов, но одно это не может оправдать столь длительной задержки.

Наконец, процедура кассационного обжалования тянулась почти три года (см. п. 29—33 выше).

Правительство обратило внимание Суда на то обстоятельство, что дело Экле было одним из первых крупных дел об экономических преступлениях в Земле Рейнланд-Парольц. В то время власти, как объясняло Правительство, не имели необходимого опыта и средств для быстрой и эффективной борьбы с такого рода правонарушениями. В дальнейшем с этой целью была принята целая серия мер законодательного и административного характера.

Суд сознает, что специфические формы экономических преступлений первоначально создавали судебным властям трудности, которые сказывались на длительности уголовного преследования. Суд не может придавать этим факторам решающее значение, поскольку обстоятельства данного дела не являются исключительными (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Бухольца, п. 51, 61 и 63).

В свете всех этих факторов Суд приходит к выводу, что сложности расследования и поведение заявителей сами по себе не оправдывают длительность судебной процедуры; одна из главных причин заключается в том, как вели дело судебные власти.

С учетом сказанного выше, в п. 86, уменьшение срока наказания в окончательном приговоре Земельного суда, не лишает заявителей права считаться жертвами в смысле статьи 25 (см. п. 68, 70 выше). Решение Земельного суда не содержит достаточных указаний, позволяющих оценить, в какой мере длительность судебного разбирательства была принята во внимание в целях Конвенции.

Соответственно, суд отвергает предварительное возражение Правительства в этой части дела и приходит к выводу, что разбирательство в Трире превысило разумный срок в нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции.

Судебное разбирательство в Кёльне

Дело, по которому следствие и суд состоялись в Кёльне, первоначально касалось пятнадцати человек, а его разветвления вышли за пределы страны; в деле фигурировали не только обвинения в мошенничестве, но также злостное банкротство и уклонение от уплаты налогов (см. п. 37 выше). Как и Комиссия, Суд счел это дело особенно трудным и сложным.

Как и в Трире, г-н и г-жа Экле тормозили ход разбирательства, подавая многочисленные заявления и апелляции, нередко сопровождаемые просьбой о продлении сроков подачи письменных возражений (см. п. 43, 45, 47, 48, 49, 51, 53 и 54 выше; для сравнения п.82 выше).

Заявители утверждали, что одни только судебные власти несут ответственность за проволочки. В дополнение к основаниям, о которых уже шла речь (в п. 83), они делали упор на то, что судебные власти не отделили обвинения в мошенничестве от обвинений в других преступлениях.

Комиссия сочла, что на длительность разбирательства повлияло главным образом то, как вели дело судебные власти. Она указала на чрезмерную

продолжительность следствия и в качестве примера привела задержку с завершением доклада эксперта; она также сочла, что начало судебного разбирательства было задержано без веских к тому причин, и что Земельный суд вполне мог прекратить уголовное преследование на более ранней стадии.

Правительство выразило несогласие с этим мнением.

Суд, как и Комиссия, пришел к выводу, что компетентные власти не действовали с необходимой степенью старания и рациональности. Особо следует отметить, что прошло около трех лет между предъявлением “уголовного обвинения” (25 сентября 1973 г., п. 52 выше) и началом суда (16 сентября 1976 г., п. 53 выше).

В связи с последним обстоятельством Правительство сослалось на большую загрузку в то время палат Земельного суда, специализирующихся на экономических преступлениях; Правительство перечислило различные меры, принятые для исправления положения.

Суд отмечает, что власти стремились сократить длительность рассмотрения дел в Земельном суде, увеличив число специализированных палат с двух (в 1973 г.) до шести (в 1977 г.). Тем не менее Суд считает, что сам по себе объем работы не был исключительным и данная ссылка Правительства не может быть принята, хотя Суд и отдает должное принятым в Федеративной Республике Германии мерам для более быстрой и эффективной борьбы с экономическими преступлениями.

На основании всех этих принятых во внимание факторов Суд пришел к выводу, что сложности расследования и поведение заявителей сами по себе длительность разбирательства не объясняют: одна из основных причин его кроется в том, как судебные власти вели дело.

Прекращение с согласия заявителей уголовного дела — решение Земельного суда 21 сентября 1977 г. — в принципе могло бы помешать заявителям претендовать на статус “жертв” в смысле статьи 25, но длительность задержек, происшедших по вине властей, такова, что заявители этот статус не утрачивают, тем более что решение о прекращении дела не содержит каких бы то ни было указаний, что это было сделано с учетом вышеупомянутых задержек (см. п. 68, 70).

Соответственно, Суд отклоняет предварительное возражение Правительства относительно этой части дела и констатирует, что разбирательство в Кёльне превысило разумный срок в нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции.

Применение статьи 50

Адвокат заявителей заявил, что, если Суд установит нарушение Конвенции, тогда его клиенты подадут жалобу на основании статьи 50 о справедливом возмещении ущерба, нанесенного им неразумной длительностью процесса, и, возможно, будут просить о возмещении судебных издержек, однако он не определил их притязания в количественном отношении. Правительство со своей стороны не занимало какой-либо позиции по данному вопросу.

Соответственно, вопрос еще не готов для принятия по нему решения. Поэтому Суд обязан оговорить это и определить дальнейшую процедуру, учитывая возможность соглашения между государством-ответчиком и заявителями.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

Признал возможным предварительное возражение Правительства, но после рассмотрения отклонил его;

Постановил, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции;

Постановил, что вопрос о применении статьи 50 не готов для вынесения по нему решения;

соответственно,

(а) *сделал* оговорку относительно данного вопроса в целом;

(б) *пригласил* Комиссию представить Суду в двухмесячный срок после вынесения настоящего решения письменные замечания Комиссии по указанному вопросу и, в частности, уведомить Суд о мировом соглашении, к которому могли бы прийти государство-ответчик и заявители;

(с) *отложил* дальнейшее рассмотрение и делегировал председателю палаты полномочия возобновить его, если в том возникнет необходимость.

Совершено на английском и французском языках, причем французский текст является аутентичным, и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 15 июля 1982 г.

Герберт Петцольд
Заместитель грэфье
За грэфье

Рольф Рисдал
Председатель